

Глава III ДОБРЫЕ НАМЕРЕНИЯ

*Бруно Коппитерс
Борис Кашников*

1. ВВЕДЕНИЕ

Принцип добрых, или правильных, намерений тесно связан с принципом правого дела. До некоторой степени его можно назвать субъективным измерением данного принципа. Однако принцип добрых намерений следует также рассматривать как самостоятельный моральный принцип. Его реализация не обязательно предполагается при принятии или осуществлении принципа правого дела. Например, у государства может быть правое дело для вступления в войну, но может отсутствовать соответствующее намерение. К тому же намерение вступить в войну может не иметь с правым делом ничего общего, даже если такое основание объективно существует. Кроме того, подталкивать государство к войне могут намерения политических деятелей независимо от того, какое основание объявляется официально. В соответствии с множеством обстоятельств эти намерения бывают разными. На протяжении истории человечества войны велись со следующими основными намерениями:

- ✧ убивать и грабить (варварские войны);
- ✧ прославиться на войне (рыцарские войны);
- ✧ реализовать коммерческие интересы (торговые войны);
- ✧ осуществить колониальную экспансию (колониальные войны);
- ✧ захватить территорию и ресурсы других государств (захватнические войны);
- ✧ реализовать цели той или иной религии (крестовые походы и религиозные войны);
- ✧ осуществить перемены в своей стране путем применения силы (гражданские войны);
- ✧ выйти из состава государства или препятствовать отделению (войны за отделение);

Москва: Гардарики, 2002

- ✧ экспортировать революцию в другие страны (революционные войны);
- ✧ отвоевать несправедливо захваченные территории (войны за восстановление справедливости);
- ✧ отомстить за причиненную несправедливость (войны возмездия);
- ✧ защитить свою страну от агрессии (оборонительные войны);
- ✧ предотвратить возможную агрессию в будущем (превентивные войны);
- ✧ нанести упреждающий удар — до нанесения неизбежного удара со стороны другой державы (упреждающие войны);
- ✧ помочь другому государству, ставшему жертвой агрессии (войны в защиту других государств);
- ✧ защитить народ, которому угрожает геноцид или в отношении которого грубо нарушаются права человека (гуманитарные интервенции).

Значимость этих различных намерений вступить в войну со временем изменяется. В период холодной войны политические дебаты о военной политике сосредоточивались на гражданских, революционных, оборонительных, превентивных и упреждающих войнах. С окончанием холодной войны стали уделять больше внимания войнам в защиту других государств, войнам за отделение и гуманитарным интервенциям, чем угрозе глобального конфликта. Кроме того, различные намерения нередко пересекаются, поэтому не всегда бывает легко определить главную причину, по которой какое-то государство вступает в войну. Подобные проблемы исторической интерпретации будут проанализированы на примерах, которые приводятся ниже.

Этический анализ разнообразных типов намерений и войн неизбежно сталкивается с двумя фундаментальными вопросами, для которых весьма актуальным оказывается интуитивное понимание нами этой проблемы. Во-первых, какие намерения (в случае, если они есть) из 16 перечисленных выше являются добрыми? Интуитивно большинство из нас склонно считать, что некоторые из них являются недобрыми, а все остальные — добрыми¹. Например, намерение защитить свою страну от агрессии,

¹ Разумеется, пацифист, скорее всего, скажет, что среди всех этих намерений ни одно не может оправдать войну, в то время как скептик скажет, что все они в равной степени добрые и недобрые.

ведущее к оборонительной войне, считается добрым. Так, несомненно, борьба против нацистской агрессии во время Второй мировой войны была справедливой для русских, поляков, французов и многих других народов.

Во-вторых, существует проблема совместимости добрых намерений с наступательной войной. В большинстве случаев наступательные войны являются орудием агрессии. Однако можно вспомнить о тех трех намерениях из нашего списка, ведущих к наступательной войне, которые тем не менее, интуитивно, кажутся добрыми. Первое связано с гуманитарной интервенцией. Если вы являетесь свидетелем невероятных зверств или грубого нарушения прав человека, то разве вы не должны остановить преступников? Второе имеет отношение к упреждающей войне, когда государство наносит удар первым для того, чтобы предотвратить неизбежный удар со стороны другого государства. Если вам грозит неминуемое нападение со стороны гораздо более сильного государства, то разве вы не имеете права нанести удар первым? Третье намерение связано с тем, что описывается в указанном выше списке как война за восстановление справедливости, когда государство отвоевывает с помощью силы то, что было несправедливо у него захвачено. Если около 10 лет назад часть территории вашей страны была оккупирована каким-то другим государством, разве вы не имеете право освободить ее?

Сколь бы интуитивно правильными ни казались эти суждения, понятно, что их недостаточно для достоверного морального познания наших интуиций. И здесь нельзя игнорировать влияние политической культуры. Интуитивное познание, имеющее отношение к применению силы, в лучшем случае имеет ограниченную межкультурную обоснованность. С точки зрения моральной интуиции викингов намерение убивать и грабить считалось бы абсолютно приемлемым. Средневековые рыцари ничего не имели против намерения снискать себе славу на войне. Еще не так давно в Европе считались приемлемыми колониальные и экспансионистские войны. То, что одно государство рассматривает как необоснованную оккупацию своей территории, оккупирующее ее государство может считать вполне законным. Поэтому принцип добрых намерений должен опираться на более прочные этические основания, чем те, которые предоставляет нам интуиция.

Согласно принципу добрых намерений, война может считаться справедливой только в том случае, если она ведется не с дурными намерениями, даже если при этом существует правое дело и соблюдаются все остальные принципы теории справедливой войны. Это общее правило сталкивается с двумя основными проблемами. Во-первых, какова степень уверенности в том, что в конкретных решениях использовать силу наличествуют (и преобладают) справедливые намерения? Во-вторых, до какой степени данный принцип может соблюдаться при смешанных намерениях? Следует ли в данном случае считать этот принцип нарушенным, или достаточно сказать, что добрые намерения должны преобладать, или достаточно всего лишь, чтобы добрые намерения просто присутствовали среди различных намерений, определивших решение использовать силу? В следующем разделе данной главы мы сосредоточимся на проблеме оценки той роли, которую играют намерения — при том, что они субъективны, — в принятии решений, влияющих на жизнь всего политического сообщества. Затем, в разделе 3, мы рассмотрим, как проблема смешанных намерений выглядит на фоне различных философских традиций. В разделе 4 мы сосредоточимся непосредственно на проблеме смешанных намерений и различных интерпретациях той роли, которую смешанные намерения играют в применении принципа добрых намерений. В заключительной части главы будет проведен анализ ряда конкретных случаев и особенно тех трудностей, которые связаны с выявлением субъективных намерений в исторических исследованиях и с распутыванием смешанных намерений в очень сложных процессах принятия решений.

2. СУБЪЕКТИВНОСТЬ НАМЕРЕНИЙ

Одно государство может официально объявить войну другому государству для того, чтобы защитить какое-либо (третье) государство от его агрессии (что объективно представляет собой правое дело), но фактически вступить в эту войну с субъективным намерением оккупировать его территорию и эксплуатировать его ресурсы. Распознать присутствие такого дурного намерения трудно. Одной из главных проблем принципа добрых намерений является, безусловно, его субъективный характер. Определить, имеют ли место добрые или дурные намерения, со стороны невозможно,

пока они не реализовались во внешних действиях. Но и тогда это осуществить нелегко, поскольку любой единичный пример публичного поведения можно интерпретировать по-разному. Единственный выход — произвести оценку намерений задним числом на основе отслеживания действий государства на протяжении длительного времени. Именно такой подход позволяет уяснить намерения отдельных людей. Их публичные действия на протяжении какого-то периода времени обнаруживают присущие им мораль и характер. Оценка таких действий может также оказаться полезной при ответе на вопрос, до какой степени правдивы декларируемые ими намерения.

Однако в сфере международных отношений оценка намерений в значительной мере отличается от оценки в сфере индивидуальной морали, будучи гораздо более сложной. Субъектами международных отношений выступают государства. Но их намерения включают в себя намерения самых разных субъектов. Во всех странах (в том числе в странах с диктаторскими режимами) различные политические течения, группы давления и организации отстаивают подчас противоположные взгляды на национальные интересы или интересы правящей элиты. В таком случае субъективная подоплека политического акта является результатом столкновения интересов и соперничества многих политических волей. Поэтому поведение государства не обязательно будет последовательным, и это — одна из причин того, почему трудно раскрыть настоящие намерения государства. Кроме того, те политические деятели, которые имеют реальное влияние на военную политику, обычно не передают свои намерения огласке. Политические дискуссии по вопросам войны и мира часто проходят за закрытыми дверями, а официальные документы, дающие ученым какой-то ключ к разгадке действительных намерений политиков, часто на протяжении десятилетий остаются недоступными для общественности.

Такие же трудности, как в сфере международных отношений, возникают и в условиях гражданских или сепаратистских войн, т.е. войн, ведущихся с целью отделения. Они ведутся под лозунгами высоких идеалов, которые не обязательно что-то говорят о действительных намерениях тех, кто их провозглашает. Таким образом, применяя принцип добрых намерений к конкретным обстоятельствам войны, историки, политологи и философы сталкиваются с огромными затруднениями, которые нужно принимать

во внимание при выработке исследовательской методологии. Поэтому при вынесении вердикта в отношении принципа добрых намерений главной добродетелью была бы осмотрительность.

Но, возможно, какой-нибудь исследователь, вконец озадаченный огромными методологическими проблемами, связанными с применением этого принципа, объявит, что для применения этого принципа в реальной политике действительно необходимо всевидящее око Всемогущего Бога. По крайней мере Он был бы в силах раскрыть субъективные мотивы, кроющиеся за всеми решениями по ведению войны. Несомненно, подобная уверенность во всезнающей высшей силе доминировала в мысли Августина Блаженного, который первым в христианской традиции сформулировал принцип добрых намерений. Далее мы проанализируем трактовку этого принципа Августином, а затем представим некоторые современные интерпретации его применения к моральному анализу использования военной силы.

3. ФИЛОСОФСКИЙ СПОР

Как философский принцип добрых намерений возник вместе с христианством — практически-духовным движением, в котором акцентировалась внутренняя сфера жизни субъекта. Августин, который был критически настроен по отношению к христианской пацифистской традиции, стремился объяснить христианам необходимость использования силы при особых обстоятельствах с тем, чтобы они могли со спокойной совестью идти на войну. Согласно Августину, справедливые войны должны вестись с намерением достичь мира¹. Мир есть нечто, к чему стремится любой здравомыслящий человек.

По Августину, желание христиан быть верными христианскому призыву к ненасилию должно быть согласовано с потребностью государства опираться в делах обороны на преданных и послушных граждан. Таким образом, Августина интересовали главным образом только личные намерения различных индивидов, ответственных за военную политику. Августин выступал в пользу государства как средства поддержания мира и порядка, но в то же

¹ *Блаженный Августин. О Граде Божием [XIX, 12] // Блаженный Августин. Творения. [Т. IV]. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. С. 339.*

время выражал недоверие намерениям людей при ведении войны. В сочинении «Contra Faustum» он писал, что «настоящим злом войны является любовь к насилию, мстительная жестокость, свирепые и безжалостные нравы, неистовое сопротивление, жажда к власти и тому подобное...»¹. Намерения воюющего индивида можно считать добрыми только в том случае, если это делается «в послушании Богу или какой-нибудь законной власти»² и если при этом он не подчиняется дурным по своей природе мотивам ненависти к врагу или страсти к насилию. Осуществляя свою волю и стремясь к миру с помощью Бога и церкви, мы не должны быть одержимыми такими низкими мотивами даже тогда, когда ведем войну.

Августин понимал, что в его попытке определить добрые намерения с точки зрения желания достичь мира ему необходимо точное понимание этого понятия. Поэтому он ввел в употребление понятие мира праведников, или справедливого мира: «Итак, что мир несправедливых по сравнению с миром праведных не может называться миром, это ясно тому, кто умеет предпочитать правое неправому и упорядоченное превратному»³. Так что необходимо не только намерение достичь мира, но и намерение достичь справедливого мира.

Несомненно, формулирование принципа добрых намерений было великим достижением морального прогресса человечества. До этого войны обосновывались неприкрытым и откровенным намерением убивать, насиловать, грабить, мстить или снискать славу. Именно на такие мотивы войны Августин наложил запрет, видя в них проявление варварства. Но августиновское понимание этого принципа способствовало также подготовке почвы для философского обоснования религиозных войн. Действительно, Августин считал не только те войны справедливыми, целью которых было восстановление справедливости, но и те, целью которых было выполнение того, что предписано Богом. «Справедливые войны обычно определяются как войны в отместку за обиды, когда государство или город, против которого должны быть направлены

¹ *Augustine. Contra Faustum. 22. 74 // The Works of Aurelius Augustine / Ed. by M. Dods. Vol. 6: Writings in Connection with the Manichaean Heresy / Transl. by R. Stothert. Edinburgh: T. and T. Clark, 1872.*

² *Ibid.*

³ *Блаженный Августин. О Граде Божиим [XIX, 12] // Указ. соч. С. 341.*

военные действия, пренебрегал своим долгом либо наказывать своих граждан за совершенные злодеяния, либо вернуть то, что было несправедливо им захвачено. Кроме того, война несомненно является справедливой, если ее предписывает сам Бог»¹.

Критики указывали, что точка зрения Августина является радикально субъективистской. Некоторые войны можно назвать справедливыми потому, что они основываются на субъективной воле божественного правителя, а также потому, что они (субъективно) воспринимаются верующими как предписываемые Богом². В случае таких войн принцип добрых намерений апеллирует к Божьей воле, открывающейся тем, кто претендует на обладание легитимной властью. Таким образом, для подтверждения чьего-то права начать войну достаточно указать на то, что он обладает легитимной властью, поскольку намерен исполнить веление свыше. Сочетание теологической интерпретации с принципом правого дела и субъективной интерпретации принципов добрых намерений и легитимной власти может легко привести к такому взгляду на войну, в котором аннулируются все остальные принципы *jus ad bellum* и *jus in bello*. Множество религиозных войн, которые велись на протяжении столетий и в которых действительно не соблюдались три других принципа *jus ad bellum* (соразмерности, вероятности успеха и крайнего средства), а также два принципа *jus in bello* (соразмерности и различия), доказывают, что вероятность возникновения такого взгляда на войну не чисто теоретическая.

Но у теории Августина есть также некий оттенок пацифизма. Августин оправдывал использование силы для защиты общего блага, но отрицал, что отдельный христианин может оправданно применять силу для своей личной самообороны, например в том случае, когда на него напали грабители. Такое действие запрещается, поскольку считается, что оно побуждается эгоистическим мотивом: «Что касается убийства других для того, чтобы защитить свою жизнь, я не одобряю этого, кроме тех случаев, когда это происходит с воином... защищающим других людей, согласно закону данному ему полномочию»³. Несомненно, эта мысль была отзвуком традиционных христианских идей о непротивлении злу,

¹ Christopher P. The Ethics of War and Peace. 2nd edition. Boulder, CO: Westview Press, 1999. P. 40.

² Ibid. P. 41.

³ Ibid. P. 46.

хотя политические взгляды Августина на справедливую войну были совершенно чужды пацифистской доктрине. В связи с этим можно упомянуть о том, что исламская традиция справедливой войны (джихад), возникшая спустя столетия после Августина, также основывается на ряде подобных соображений. Единственным допустимым на войне добрым намерением считается желание служить исламу. Все эгоистические мотивы, будь то ненависть, вожделение, жадность или жажда славы, считаются недопустимыми как безусловно несправедливые¹.

Новая светская и юридическая интерпретация теории справедливой войны, принадлежащая Гуго Гроцию, противоположна принципу добрых намерений. В своих усилиях по созданию кодекса норм международного права, который должен был основываться на подлинно объективных критериях, Гроций отвергал какие-либо обращения к этому принципу как несовместимые с его собственной концепцией. Он доказывал, что хотя все принципы могут оцениваться субъективно, они все же являются объективными в том смысле, что они применимы к межгосударственным отношениям. Несмотря на то что намерения относятся к внутренним состояниям отдельных политических деятелей, состояниям, которые могут быть, а могут и не быть предосудительными, они в конце концов не оказывают влияния на справедливый или несправедливый характер самой войны. Намерения лица, предпринимающего военные действия могут быть предосудительными или даже порочными, однако сама война, считал Гроций, не становится от этого несправедливой, если причина ее справедлива². Например, у каждого государства есть несомненное право оказывать сопротивление иноземному вторжению, и это право является таким же объективным, как и само вторжение, и не зависит от намерений защитников страны. То, что действительно имеет значение при оценке справедливости войны, есть объективные права, существующие независимо от любых субъективных намерений политических деятелей.

Спор между теми, кто при всей субъективности принципа добрых намерений защищает его обоснованность, и теми, кто выступает против него, не закончен и поныне. Современные дис-

¹ *Kelsay J.* Islam and War. Louisville KY.: Westminster: John Knox Press, 1993. P. 29.

² *Гроций Г.* О праве войны и мира Кн. II, гл. XXII, § XVII. Указ. соч. С. 532—533.

куссии все еще во многом используют те же аргументы, которые встречаются у Августина и Гроция. Одну из современных интерпретаций принципа добрых намерений можно найти в пастырском послании о войне и мире Национальной конференции католических епископов США. Здесь утверждается, что добрые намерения в использовании силы должны быть нацелены на достижение правого дела¹, которое определяется как противостояние «реальной и несомненной опасности». Кроме того, правое дело включает в себя защиту жизни невинных людей, сохранение условий, необходимых для нормального человеческого существования, и защиту основных прав человека². Но другие участники спора о принципе справедливой войны оспаривают его обоснованность. Например, Роберт Холмс считает, что этот принцип препятствует трезвой беспристрастной оценке, которая является неотъемлемым элементом моральных ограничений на применение силы³.

4. АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ДОБРЫХ НАМЕРЕНИЙ

Относительно способов надлежащего применения принципа добрых намерений существуют три различных толкования. Согласно всем трем, наличие добрых намерений при использовании силы означает реализацию правого дела. Таким образом, все согласны с тем, что у государства должно быть намерение исправить ту несправедливость, которая и заставила его заявить, что его вступление в войну оправданно. Все согласны также с тем, что никакие дурные намерения не могут оказывать решающего воздействия на решение использовать силу. Но исследователи расходятся в своих суждениях о том, в какой степени другие намерения играют роль в принятии решения использовать силу. Согласно первому толкованию, намерение должно быть направлено исключительно на реализацию правого дела. По второму толкованию, в применении силы в военной обстановке могут присутствовать и другие намерения, но намерение действовать в соответствии с правым делом

¹ US Catholic Bishops' Pastoral Letter, *The Challenge of Peace : God's Promise and Our Response* // *Elsbtain J.B.* Just War Theory. N.Y.: New York University Press, 1992. P. 100.

² Ibid. P.98.

³ *Holmes R.* On War and Morality. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 196.

должно перевешивать все остальные уже тем, что оно является самым значительным. Третье толкование сводится к следующему: решение вступить в войну помимо множества значительных намерений влияет также намерение осуществить правое дело, принцип добрых намерений все равно соблюдается. Из этих трех толкований второе в наибольшей степени соответствует традиции справедливой войны.

Согласно первому толкованию, принцип добрых намерений предписывает, чтобы государство вступало в войну только исходя из правого дела. Когда, вступая в войну, государство имеет в виду и какие-то иные кроме правого дела цели, то можно сказать, что принцип добрых намерений не соблюден и, следовательно, война несправедлива. В соответствии с такой интерпретацией, именно чистота намерений является тем моральным идеалом, к которому мы стремимся. Так, в случае войны в Персидском заливе принцип добрых намерений не был соблюден, поскольку на решение Соединенных Штатов и их союзников силой пресечь вторжение Ирака в Кувейт определенную роль, очевидно, сыграли нефтяные интересы.

Этот взгляд на принцип добрых намерений подвергается критике как слишком требовательный¹ т.е. как требовательный перфекционизм. Но считается, что перфекционизм игнорирует ограниченную природу и цели политической морали. Мораль общественной сферы имеет дело с далеко не совершенным миром политики и поэтому не должна основываться на тех же нормах, которые мы применяем по отношению к индивидуальной морали. Во многих обстоятельствах в частной, т.е. личной, сфере мы рассматриваем поступок как моральный только в том случае, когда он совершается с намерением принести пользу другим и когда он не испорчен эгоистическими мотивами. Но, говорят критики, такой взгляд на мораль нельзя перенести в политическую сферу, поскольку от публичных властей требуется, чтобы они признавали автономию и конкретные потребности сообщества. Эти власти ответственны не просто за удовлетворение потребностей других народов, но также и в особенности потребностей того общества,

¹ Критику слишком требовательного морального подхода к теории справедливой войны см. в обсуждении этой темы Энтони Коутсом: *Coates A. The New World Order and the Ethics of War // The Ethical Dimension of Global Change / Ed. by B. Holden. L.: Macmillan, 1996. P. 205—225.*

которое они представляют. Их намерения в принимаемых ими решениях относительно применения силы на войне, заключают критики, должны отражать эту позицию.

Это подводит ко второму толкованию принципа добрых намерений. В соответствии с ним следует признать существование разнообразных намерений в сфере принятия публичных решений. Мы не можем предполагать, что каждый государственный деятель, участвующий в принятии решения о вступлении в войну, будет одинаково искренне стремиться к правому делу и ни к какой другой цели помимо этой. Но до тех пор, пока правое дело доминирует над всеми остальными намерениями, принцип добрых намерений считается соблюденным. В действительности эта интерпретация допускает некоторую гибкость. Здесь признается, что некоторые из остающихся намерений могут способствовать действию с добрыми (справедливыми) намерениями и таким образом подкреплять главную цель. Рассматривая с этой позиции войну в Персидском заливе, можно предположить, что у военных сил коалиции в качестве главной цели выступало пресечение иракской агрессии против Кувейта. Однако такая интерпретация позволяет доказывать, что намерением сил коалиции было также удовлетворение интересов мировой экономики, в том числе, конечно, и собственных самокорыстных экономических интересов, и недопущение того, чтобы Саддам Хусейн завладел еще большей частью мировых запасов нефти. Однако проявление таких дополнительных намерений еще не привело бы к тому, что силы коалиции не прошли бы проверки на подлинность их добрых намерений. Такая интерпретация запрещает лишь действия, рассчитанные на то, чтобы служить главным образом интересам крупных нефтяных компаний, казне политических лидеров и т.п. Эти намерения вполне могут присутствовать, но они не должны играть определяющую роль в ходе принятия решения.

Согласно третьему толкованию, достаточно, чтобы среди множества целей, ради которых принимается решение вести войну, принцип правого дела был определяющим и чтобы при этом отсутствовали дурные намерения или они, по крайней мере, не были определяющими в принятии решений. При таком толковании практически нет или вовсе нет необходимости рассматривать относительное соотношение различных намерений с тем, чтобы выяснить, чем определяется решение вступить в войну — правым делом или какой-либо иной целью. Таким образом, если одной из

значимых целей коалиции было восстановление суверенитета Кувейта, то принцип добрых намерений соблюден. И несомненно, если бы в «наборе целей» присутствовало дурное намерение (например, вступление в войну с целью испытания новой ракетной технологии), то вопрос соблюдения этого принципа был бы поставлен на повестку дня. Кроме того, используя третье толкование, довольно легко показать, что у сил коалиции были добрые намерения. Причем сделать это настолько легко, что становится трудно отделить данное толкование добрых намерений от реализма. Напомним, намерения реалистов принадлежат к разряду своекорыстных. Если добрые намерения сил коалиции включают в себя широкий спектр своекорыстных намерений, то замутнение теории справедливой войны схемами реалистического мышления кажется вероятным даже несмотря на то, что эта теория, в отличие от реализма, требует при решении о вступлении в войну руководствоваться этическими категориями, в частности принципом правого дела.

Рассмотрим несколько характерных примеров в свете этих трех толкований принципа добрых намерений. В соответствии со сказанным выше о принципе правого дела существуют две его основные разновидности, которые необходимо отчетливо различать. Во-первых, под рубрикой самообороны мы различаем применение силы для: а) остановки продолжающейся агрессии, б) преодоления последствий агрессии в прошлом, в) упреждения потенциальной агрессии. Во-вторых, под рубрикой помощи другим странам мы различаем военные действия: а) в помощь дружественному государству или союзнической стране, ставшей жертвой продолжающейся агрессии, б) для преодоления последствий прошлой агрессии, в) по гуманитарным причинам. Предполагается, что принцип добрых намерений направлен на то, чтобы сделать такого рода правое дело объектом наших намерений.

В этом отношении меньше всего проблем представляет война в целях самообороны. Если ваша страна стала жертвой несправедливой агрессии, то доминирующим должно быть намерение отразить агрессию. Кроме того, добрые намерения можно рассматривать как явно доминирующие в том случае, когда государство помогает союзнику в отражении агрессора, а затем отводит свои военные силы, не получая при этом никаких территориальных выгод. Разумеется, большинство исторических примеров не явля-

ются столь ясными. Добрые и дурные намерения часто перемешаны таким образом, что дурные намерения следуют под прикрытием намерения осуществить правое дело.

Следующий далее краткий анализ касается отдельных войн, вызванных необходимостью гуманитарной интервенции, отражения агрессии и нанесения превентивного удара. Эти войны были развязаны с официально объявленными добрыми намерениями. Проанализируем, в какой степени эти декларации соответствовали действительности и что в каждом случае означали добрые или дурные намерения.

5. ИНДО-ПАКИСТАНСКАЯ ВОЙНА 1971 г. ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ?¹

До 1971 г. страна, которая сейчас известна как Бангладеш, была провинцией Пакистана и называлась Восточным Пакистаном. В конце 1960-х гг. здесь возникло серьезное движение за большую автономию. Местное бенгальское население не имело своих представителей в правительстве и не могло высказывать свое мнение об экономической политике, проводившейся центральным правительством. Недовольство бенгальцев приняло угрожающие масштабы, поскольку действия центрального правительства и, в частности, его экономическая политика были направлены на дискриминацию Восточного Пакистана. Националистические лидеры Авами лиг [Awami League] (Восточный Пакистан) потребовали, чтобы наделить их провинцию правом взимать налоги, предпринять шаги, необходимые для защиты их национального языка, осуществить политическую реформу и способствовать дружественным связям с Индией. Они находились в оппозиции военным правителям Пакистана, которые противились проведению каких-либо из этих реформ.

¹ См.: Пучков В. Политическое развитие Бангладеш. М.: Наука, 1986. С. 9—14; Singhal D. P. Pakistan. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1972; Baeck L. Van Pakistan tot Bangla Desh. Antwerpen — Utrecht: De Nederlandsche Boekhandel, 1972; Payne R. Massacre. N.Y.: Macmillan, 1973; Choudhury G.W. The Last Days of United Pakistan. L.: Hurst & Co, 1974; Ziring L. Pakistan. The Enigma of Political Development. Folkestone and Boulder/Colorado: Dawson & Westview, 1980; The Cambridge Encyclopedia of India, Pakistan, Bangladesh / Ed. by Francis Robinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

В 1970 г. наводнения и разрушительный циклон в Восточном Пакистане привели к сотням тысяч жертв. Военная администрация оказалась неспособной организовать операции по спасению пострадавших людей. Это увеличило недовольство местного населения. Не удивительно, что общенациональные выборы, проведенные 7 декабря, принесли убедительную победу Авами лиг, которая завоевала 160 мест из 162, выделенных для Восточного Пакистана в Национальной Ассамблее. В противоположность этому в Западном Пакистане подавляющее большинство голосов завоевала Народная партия. Программы Авами лиг и Народной партии были диаметрально противоположны. Представитель Народной партии Али Бхутто отстаивал идею централизованного правления, в то время как лидер Авами лиг шейх Муджибур Рахман требовал того, чтобы центральное правительство отвечало только за оборону и иностранные дела. Переговоры между сторонами не привели к конкретным результатам. В Восточном Пакистане произошли демонстрации и забастовки. Националистическое движение инициировало обсуждение вопроса о независимости. В ответ на это центральное правительство предприняло репрессивные меры против населения Восточного Пакистана. Шейх Муджибур Рахман обвинил армию в том, что она ведет себя как оккупационные войска и совершает убийства безоружных людей. Но он также выдвинул предложения о разграничении полномочий, что сохранило бы территориальную целостность Пакистана. Он все еще был убежден в том, что политическая реформа могла бы предоставить право решающего голоса населению Восточного Пакистана, которое по численности было больше населения Западного Пакистана, а также положить конец притеснениям и эксплуатации бенгальцев. Но когда в марте 1971 г. центральное правительство проявило нежелание вести переговоры, а также отказалось отменить военное положение, шейх Муджибур Рахман решил взять в свои руки власть в Восточном Пакистане.

25 марта 1971 г. стало роковой датой для будущего Пакистана. Шейх Муджибур Рахман был арестован; президент Пакистана Яхья Хан заявил, что закон и порядок будут восстановлены любыми доступными ему средствами. В тот же день военные устроили повсеместную бойню. Она началась в Даккском университете. После артиллерийского обстрела прямой наводкой студенческих общежитий оставшиеся в живых студенты были расстреляны или заколоты штыками. Официальный историк пакистанской

армии генерал-майор Фазал Мукиим Хан писал: «Для того чтобы взломать некоторые комнаты общежитий (Даккского университета), армия была вынуждена применять реактивные установки. Из-за шума выстрелов во время этой роковой ночи в Дакке казалось, будто шла настоящая война с применением современного оружия»¹. Был составлен «черный список» из преподавателей, живших по соседству со студенческими общежитиями, и по этим адресам были разосланы проводившие облаву отряды. Западные журналисты выражали возмущение по поводу размаха убийств. В своих репортажах они с сожалением упоминали о боевой технике и боеприпасах, которые пакистанские военные получили из США. Корреспондент британской газеты «Дейли телеграф» сообщил 30 марта: «Вскоре после полуночи одна колонна войск, впереди которой шли американские танки М-24 времен Второй мировой войны, спешно направилась к Даккскому университету. Войска заняли библиотеку Британского Совета (расположенную в студенческом городке) и использовали ее в качестве того огневого рубежа, с которого они обстреливали близлежащие общежития. Примерно 200 студентов, захваченные врасплох, были убиты в Икбал-холле, который служил, как мне сказали, штаб-квартирой боевого антиправительственного студенческого союза. Через два дня тела многих убитых все еще разлагались в выгоревших комнатах, другие были разбросаны снаружи, а какие-то плавали в соседнем озере»². Нападение на университет было частью согласованного плана, направленного на уничтожение интеллектуальной и политической жизни страны. Резня продолжалась в течение нескольких месяцев во всех частях Восточного Пакистана. Центральные власти решили уничтожить все силы, которые могли бы оспаривать их власть. К маю 1971 г. армия восстановила контроль на всей территории Восточного Пакистана.

По оценке шейха Муджибура Рахмана, было убито 3 млн человек. Общественное мнение во всем мире было потрясено этой ужасной трагедией. В течение всего лета 1971 г. Индия переживала настоящий кошмар, пока продолжалась резня бенгальцев — через границу устремилось огромное число беженцев. Согласно нескольким источникам, в Индии нашли убежище до 10 млн человек. По словам американского сенатора Эдварда Кеннеди, которые

¹ *Choudbury G.W.* The Last Days of United Pakistan. P. 184.

² *Ibid.* P. 185.

он высказывал после пятидневной поездки по лагерям беженцев, «...теперь он убедился, что пакистанская армия совершала в Восточном Пакистане геноцид»¹. На поддержание жизни беженцев даже на минимальном уровне требовались гигантские средства. Такие расходы были неподъемны для слабой индийской экономики. Столкнувшись с этой трагедией, индийское правительство не могло оставаться пассивным. А пакистанские войска, казалось, совершенно оторвались от политических и военных реалий. Они были уверены, что окончательно сокрушили сепаратистское движение в Восточном Пакистане и способны отразить любую угрозу интервенции со стороны Индии.

Положение в области безопасности на пакистано-индийской границе быстро ухудшалось: участились пограничные столкновения. В декабре три пакистанских самолета совершили неожиданную атаку на индийские военно-воздушные базы. Радио Исламабада объявило, что Пакистан ведет *джихад*, т.е. священную войну, против Индии. Однако вскоре стало ясно, что пакистанские военные переоценили свои возможности и степень той иностранной поддержки, которую могли получить. Индийская армия, которую поддерживали местные партизаны, с удивительной быстротой продвигалась по территории Восточного Пакистана. К 13 декабря индийская армия подошла вплотную к столице Восточного Пакистана Дакке. К тому времени советское правительство выступило с предупреждением, что при нападении китайской армии на Индию, оно окажет поддержку диверсионному движению на приграничной китайской территории. В декабре 1971 г. мир вплотную подошел к прямому противостоянию между главными мировыми державами. Постоянный американский представитель в ООН Джордж Буш заявил, что «главным агрессором» явно была Индия. Однако попытки со стороны Соединенных Штатов побудить Совет Безопасности ООН осудить индийскую интервенцию провалились. В любом случае у Советского Союза было право вето. Примерно в то же время Седьмой американский флот на всех парах вошел в Бенгальский залив, стремясь запугать индийское правительство. Но помочь пакистанской армии было уже невозможно: она сдалась 17 декабря 1971 г. Вскоре мировое сообщество признало независимость Бангладеш. Это был единственный случай (вплоть

¹ The Times. 1971. 17 August; quoted in *Singhal*. Pakistan. P. 199.

до распада Югославии через 20 лет) одностороннего выхода из состава государства в неколониальном контексте, который был признан в международном масштабе как морально и политически легитимный. Индийские войска были выведены из страны, позволив новому мусульманскому государству Бангладеш заботиться о себе самостоятельно.

У каждого из нас есть право считать, что действительные намерения Индии находились в согласии с официально прокламируемым принципом правого дела — остановить резню в Восточном Пакистане и защитить себя от агрессии. Действительно, прежде чем отвести войска, индийские военные остановили резню. Это не означает, что мы не должны обращать внимания на геополитические выгоды, полученные Индией в результате расчленения ее основного соперника в этом регионе. Но заинтересованность в ослаблении Пакистана не указывает на то, что намерения Индии явно отличались от стремления осуществить правое дело, которое объявлялось как основание для применения силы. Индия имела право спасти жизнь миллионов невинных людей в той ситуации, когда все возможности для переговоров были исчерпаны и когда на карту были поставлены коренные интересы государственной безопасности Индии. Конечно, в моральной оценке индийской интервенции нельзя упускать из виду и дестабилизирующий фактор — миллионы беженцев, бремя, которое представляли беженцы для истощенной экономики страны, а также возросшую напряженность на ее собственных границах.

Некоторые авторы, например Г.В. Чоудхури¹, критиковали и пакистанские зверства, и индийскую военную интервенцию, которая волей-неволей также способствовала отделению Бангладеш. В то время такую критику разделяли многие американские официальные лица. Однако остается неясным, как без индийской интервенции можно было предотвратить дальнейшую резню в Восточном Пакистане. Совет Безопасности ООН не был готов к активным действиям. Осуждение Америкой индийской политики, похоже, было инспирировано скорее политикой холодной войны, чем соображениями справедливой войны. Индия была союзником Советского Союза, а Пакистан — союзником Запада, поэтому с точки зрения США укрепление геополитической позиции Индии

¹ Choudhury G.W. The Last Days of United Pakistan. P. 202—227.

в этом регионе следовало предотвратить несмотря на все добрые намерения, которые Индия, возможно, имела в данном конкретном случае.

6. ГИТЛЕРОВСКАЯ ОККУПАЦИЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1938 г. ГУМАНИТАРНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ?¹

Чехословакия, располагавшая большими экономическими ресурсами, входила в гитлеровский план аннексии задолго до начала Второй мировой войны. Гитлер в речи, произнесенной 20 февраля 1938 г. перед рейхстагом, объявил, что 10 млн немцев живут «...отрезанными от нас непосредственно у границ рейха». Из этих 10 млн в Австрии жили 6,5 млн. Остальные 3,2 млн немцев жили в Чехословакии. Гитлер неоднократно выказывал свою ненависть и презрение к ее славянскому народу и начиная с 1937 г. неоднократно заявлял, что его конечной целью является уничтожение полиэтничного государства Чехословакии. Одним из вариантов осуществления этой угрозы была аннексия Судетской области, где проживала основная масса немцев, а затем — захват оставшейся части страны. Для этих целей Гитлер планировал использовать национал-социалистскую партию судетских немцев *Heimatspartei*, которой руководил Конрад Генлейн. В этом контексте полезным политическим лозунгом было требование автономии. Среди немецкого населения Судетской области партия Генлейна пользовалась большим успехом. На выборах в мае 1935 г. она собрала около 1,2 млн голосов. Еще в 1937 г. Генлейн начал требовать автономии для населенных немцами районов. Правительство Чехословакии отказало ему в выполнении его требований, поскольку опасалось появления подобных требований со стороны многих других проживающих в стране национальностей. В марте 1938 г. Генлейн, посоветовавшись с Гитлером, согласился с ним в том, что «...мы всегда должны требовать столько, чтобы нас никогда нельзя было удовлетворить»².

¹ Об этом случае см.: История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1974. С. 90—99; *Bell P.M.H.* The Origins of the Second World War in Europe. L.; N.Y.: Longman, 1986; *Kitchen M.* Europe between the Wars. A Political History. L.; N.Y.: Longman, 1988; *Maria R.* De l'accord de Munich au pacte germano-soviétique du 23 août 1939. P.: L'Harmattan, 1995.

² *Bell P.M.H.* The Origins of the Second World War in Europe. P. 231.

В то время и Великобритания, и Франция были полны решимости избежать войны с Германией даже ценой потери Чехословакии. Они не чувствовали себя достаточно подготовленными для вооруженной конфронтации с Германией и надеялись достичь сепаратной договоренности с Гитлером без участия Советского Союза. Кроме того, британский премьер-министр Чемберлен считал, что СССР хочет втянуть Великобританию в войну с Германией. По его мнению, было бы невозможно вовлечь Советов в переговоры, не оттолкнув при этом Гитлера. На Лондонской конференции в апреле 1937 г. британские и французские руководители договорились о том, что они окажут как можно большее давление на правительство Чехословакии с тем, чтобы удовлетворить требования судетских немцев. В мае в Судетской области произошли беспорядки. 21 мая два немца были убиты при нападении на чешских полицейских. Немецкие средства массовой информации немедленно подняли античешскую истерию, обвинив чехов в немыслимых зверствах против немцев в Судетской области. В то же время Германия стала угрожать интервенцией.

Правительство президента Бенеша в сентябре уступило объединенному давлению со стороны Германии, Франции и Великобритании и согласилось почти на все требования партии Генлейна. Но немецкие ирредентисты¹ организовали инцидент в городе Моравска-Острава, который привел к аресту двух их представителей. Эти аресты стали поводом для срыва переговоров. 12 сентября на съезде нацистской партии в Нюрнберге Гитлер объявил, что он не может оставить судетских немцев беззащитными. В ту же ночь в главных городах Судетской области были организованы мятежи. Чемберлен, убежденный в том, что нависла угроза войны, приехал в Берхтесгаден, чтобы встретиться там с Гитлером. Он принципиально согласился с Гитлером, что Судетская область будет присоединена к Германии, хотя и сказал при этом, что должен прокон-

¹ Разницу между сецессией (отделением) и ирредентизмом (*англ. irredentism от итал. irredentismo, от итал. irredenta — получать назад) можно определить следующим образом: «Сецессия включает в себя выведение некой группы людей и ее территории из-под власти того государства, частью которого она является. А ирредентизм влечет за собой возвращение этнически родственного народа и его территории к исторической родине с соответствующим изменением межгосударственной границы» (*Horowitz D. Self-Determination: Politics, Philosophy, and Law // National Self-Determination and Secession / Ed. by Margaret Moore. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 182*).

сультуриться со своим кабинетом и французами. Он не упомянул о праве чехословацкого правительства на участие в этом решении. Но когда Чемберлен получил поддержку своего кабинета и правительства Франции, Гитлер выдвинул новые требования, включавшие автономию для словацкого меньшинства. Он хотел также немедленно оккупировать Судетскую область. С каждым разом становилось все яснее, что Гитлер никогда не удовлетворится каким-либо компромиссным решением и что за любой договоренностью последуют новые угрозы и новое запугивание. Тогда Великобритания и Франция решили объявить военную мобилизацию. Они продемонстрировали свою готовность пожертвовать интересами Чехословакии ради стабильности в Европе. Но это не означало, что они были готовы сохранить мир ценой подчинения Германии всей Европы.

Столкнувшись с этим кризисом, четыре государства (Англия, Франция, Германия, Италия) в конце сентября собрались на конференцию в Мюнхене. Советский Союз на нее не пригласили. Гитлер произнес речь, в которой он обвинил Чехословакию в притеснениях немецкого населения и повторил свои требования немедленной аннексии населенных немцами районов «...для блага международного мира и стабильности». Он объявил, что, каковы бы ни были результаты конференции, 1 октября Судетскую область займут немецкие войска. И снова Франция и Великобритания решили пойти на соглашение с Германией за счет Чехословакии. 30 сентября 1938 г. Мюнхенское соглашение было подписано всеми четырьмя государствами. Территории, где проживали судетские немцы, немедленно отходили к Германии. Немецкая оккупация началась 1 октября. На некоторых других территориях с большой долей немецкого населения планировалось провести плебисциты. Окончательную границу четыре государства решили определить позднее. У чехословацкого правительства не было другого выбора, кроме как принять все эти условия.

С подписанием Мюнхенского соглашения началась вторая стадия плана по разрушению государственности Чехословакии. В Чехословакии проживали около 3,3 млн словаков и полмиллиона подкарпатских русинов. Словацким политикам было сказано, что Германия поддержит словацкую независимость. Германия оказывала давление также и на Подкарпатскую Русь. В марте 1939 г. чешское правительство распустило правительство Подкарпатской

Руси и Словакии и объявило в стране военное положение. Гитлер пригласил в Берлин словацкого премьер-министра для того, чтобы подготовить текст декларации независимости. В ночь на 15 марта Гитлер встретился в Берлине с чешским президентом Эмилем Гахой и объявил, что Чехословакии больше не существует. Чехословацкий президент был вынужден согласиться с выдвинутыми требованиями перед лицом угрозы разрушения чехословацких городов немецкими военно-воздушными силами. Гитлер сообщил Гахе, что у него есть выбор только между сопротивлением, которое будет тут же сломлено, и мирной оккупацией. В ту же ночь немецкие войска пересекли границу. Ставшая «независимой» Словакия приняла немецкий протекторат, а Подкарпатская Русь была передана союзнику Германии — Венгрии. Стало ясно, что следующим шагом Германии будет продвижение далее на восток — в Польшу. Как писал Франц Миллер, «Гитлер утверждал в «*Mein Kampf*», что он намеревался физически выселить славянские расы из Центральной Европы в восточные регионы. В первые два года немецкой оккупации власти определили пять крупных районов Богемии и Моравии, из которых все чехи обязаны были к определенной дате уехать для того, чтобы расчистить территорию для немецких колонистов. К 1 сентября 1941 г. эти области были «очищены» от чешского населения, и их заняли немцы. Чехам запрещалось что-либо брать с собой, за исключением одежды. Их сельскохозяйственные орудия, предприятия, даже кухонные принадлежности должны были остаться немецким переселенцам»¹.

Намерения Гитлера в войне против Чехословакии были достаточно ясны. Немцы хотели захватить новые территории и их население и подготовиться к будущим войнам. Эти действительные намерения не имели ничего общего с официально декларируемыми намерениями защитить немецкое меньшинство от притеснений и жестокого обращения. Права Судетской области и Словакии на национальное самоопределение были поняты в чисто этническом смысле и использовались для оправдания территориальной экспансии. У западных демократий было бы правое дело защитить Чехословакию. Но в их намерения не входило действовать справедливо и, поступая таким образом, защитить жертву агрессии.

¹ *Miller F.T. History of World War 2. Philadelphia, Toronto: The John C. Wenston Company, 1945. P. 117.*

Вместо этого они стремились реализовать свои собственные геополитические интересы и, насколько можно, оттянуть начало войны.

7. ГИТЛЕРОВСКАЯ ОККУПАЦИЯ ПОЛЬШИ В СЕНТЯБРЕ 1939 г.¹

После Чехословакии главной целью дальнейшей немецкой экспансии стала Польша. Адольф Гитлер начал Вторую мировую войну с целью покорения Европы ради владычества арийской расы. На рассвете 1 сентября 1939 г. без объявления войны немецкие самолеты атаковали Польшу. В последующие несколько часов более 30 польских городов уже были объаты пламенем. Война велась против женщин и детей. Наряду с военными целями немцы бомбили все без разбору: дома, больницы, церкви и школы. Вероломство Гитлера повергло мировое сообщество в моральный шок. Вторжению в Польшу предшествовала скоординированная кампания пропаганды, развязанная против польского народа. Польша обвинялась в осуществлении агрессивных планов против Германии, и нападение Германии объявлялось упреждающим ударом. В действительности, вторжение в Польшу происходило из-за ее геополитического положения, поскольку она находилась западнее Советского Союза. В конечном счете Советский Союз был главным объектом германской экспансии, поскольку на его территории имелись огромные запасы нефти, железа, марганцевых руд и других природных ресурсов.

Польская армия оказала героическое сопротивление, но была полностью разбита. Соотношение огневой мощи было 72:1 в пользу Германии. Через месяц война в Польше закончилась. Не будет ошибкой считать, что правое дело, объявленное Гитлером в этой войне, не имело ничего общего с его действительными намерениями экспансии и завоевания. Но что можно сказать по поводу следующего примера, также связанного с Польшей?

¹ *Miller F.T.* Op. cit. P. 120—127; История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. Т. 3. М.: Воениздат, 1974. С. 13—35.

8. СОВЕТСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ПОЛЬШУ В СЕНТЯБРЕ 1939 г.¹

На 17-й день сопротивления немцам Польшу поразила другая потрясающая новость. В войну вступил Советский Союз. 17 сентября с востока в Польшу вошла Красная Армия. За два дня советские войска, не встретив на пути никакого сопротивления, оккупировали почти половину Польши, отрезав Гитлера от богатых нефтяных скважин Галиции и блокировав ему прямой путь на Румынию. Быстро подойдя ко Львову и достигнув Брест-Литовска, советские войска заняли позицию на бывшей (до 1918 г.) границе Российского государства

Намерения нацистов в войне с Польшей были довольно очевидны. Никто не принимал всерьез заявление Германии о том, что она вынуждена нанести удар «перед лицом польской агрессии» или с намерением защитить немецкое меньшинство. Настоящие намерения немцев и при оккупации Чехословакии, и в войне с Польшей были ясны. Их целью была экспансия и завоевание. Намерения поляков в этой войне также были совершенно очевидны. Они как могли защищали свою страну. Но что можно сказать о намерении вторгшихся в Польшу советских войск? Были ли они добрыми в смысле соответствия теории справедливой войны?

23 августа 1939 г. советское руководство подписало пакт о ненападении с Гитлером. В секретных протоколах этого пакта предполагался раздел территории Польши между Германией и Советским Союзом. Кроме того, Советскому Союзу была предоставлена также возможность аннексировать Эстонию, Латвию и Литву. Частично этот пакт возник из-за разочарований советского руководства в западной политике. Сталин предпринял несколько попыток организовать широкую коалицию государств для противостояния нацистской Германии, но западные демократии не поддержали эти инициативы. Москва надеялась, что пакт с Германией предоставит Советскому Союзу некоторую передышку, необходимую для подготовки к военной обороне от предстоящей немецкой агрессии.

Но, вторгшись в Польшу, Советский Союз претендовал также на те территории, которые когда-то были частью Российской

¹ *Miller F.T.* Op. cit. P. 335—358.

империи. Эти территории, населенные миллионами украинцев и белорусов, по мнению советского руководства, были несправедливо отняты у советских республик Украины и Белоруссии Польшей в результате русско-польской войны в 1920 г. Поразительно, что в секретных протоколах немецко-советского пакта 1939 г. не было даже упоминания о советских притязаниях на польские территории на основе национальных интересов украинцев и белорусов¹. Решение Советского Союза обратиться к принципу самоопределения как оправданию советской оккупации Польши было, по-видимому, принято уже в последний момент. Когда министр иностранных дел Германии фон Риббентроп 3 сентября посоветовал Советскому Союзу занять свою часть польской территории (в соответствии с секретными протоколами), советский нарком иностранных дел Молотов ответил, что намерением Советского Союза было сразу же объявить о необходимости прийти на помощь украинцам и белорусам. Это сделало бы советскую военную интервенцию оправданной в глазах общественности. Статья, помещенная в ведущей советской газете «Правда», рассказывала о тяжелом положении национальных меньшинств в Восточной Польше. После своей военной интервенции 17 сентября советское правительство представило польскому послу в Москве — и всей международной общественности в его лице — еще одно обоснование своих действий: было сказано, что Польское государство фактически прекратило свое существование. Такая ситуация рассматривалась как серьезная проблема для Советского Союза, поскольку она создавала в данном регионе вакуум власти, который непременно заполнили бы нацисты, если бы им позволили это сделать. Интервенция была необходима также для того, чтобы защитить украинцев и белорусов, проживавших на территории Польши.

Советское население приняло эти оправдания, апеллирующие к созданию лучшей защиты СССР от нападения со стороны Германии, а также к праву украинцев и белорусов на самоопределение и восстановление справедливых границ. Однако эта точка зрения разделялась не всеми. Многие наблюдатели заявляли, что подлинные советские намерения были связаны с экспансией и завоеванием, стремлением к политическому владычеству и экспортом рево-

¹ Об этом вопросе см.: *Aspaturian V.V. The Union Republics in Soviet Diplomacy. A Study of Soviet Federalism in the Service of Soviet Foreign Policy.* Genève; P.: Librairie Droz and Librairie Minard, 1960. P. 59—71.

люции. Они указывали, что в 1940 г. специальные подразделения НКВД расстреляли тысячи польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском. Это преступление было официально признано лишь спустя полвека постсоветским российским руководством. Намерение уничтожить польскую армию, которая оказала героическое сопротивление вторжению немцев, невозможно оправдать с точки зрения самозащиты Советского Союза. Кроме того, 1,5 млн поляков, прежде всего интеллигенции, были депортированы в советские трудовые лагеря¹.

В истории есть множество случаев, похожих на этот. Ученые не могут дать быстрый ответ на вопрос, каковы же истинные намерения тех, кто использует военную силу. Любая интерпретация должна основываться на анализе различных точек зрения. Всегда существует реальная опасность нарушения морального принципа добрых намерений. Именно по этой причине не следует легкомысленно сбрасывать со счетов скептицизм Гроция по поводу принципа добрых намерений.

¹ *Sakwa R.* Soviet Politics in Perspective. L.: Routledge, 1998. P. 257.